

Как одна война «зазвучала» на четырёх языках?

☰ Author	Сергей Коняшин
@ Email	sergey.konyashin@gmail.com
📅 Date	@February 24, 2025
➤ English	How One War Resounded in Four Languages?

Что писали о начале российской агрессии против Украины ивритоязычные, англоязычные, арабоязычные и русскоязычные издания Израиля, и почему их оценки и акценты столь различны?

Три года назад, в конце февраля 2022 года, началась полномасштабная война между Россией и Украиной. Для Израиля те дни ознаменовались напряжёнными попытками сбалансировать свою политику в отношении России, сохранить контакт с США и Евросоюзом, помочь потенциальным репатриантам из Украины, но при этом не ввязываться в конфликт напрямую.

Как все эти темы отражались в нашем многоязычном медиaprостранстве? Почему арабоязычные издания почти игнорировали эту войну, ивритоязычные — отчаянно балансировали между солидарностью с Украиной с нежеланием называть Россию агрессором, англоязычные — писали о «варварском вторжении», а русскоязычные — оказались самыми антироссийскими из всех?

В настоящее время я изучаю журналистские стратегии освещения внутренних и внешних конфликтов в израильской прессе. Российско-украинская война — один из объектов моих исследований, первыми выводами которых я хочу поделиться в этой статье.

Доместикация сообщений о войне: Зачем нужно “приручать” новости и как это правильно сделать?

Современная пресса не просто информирует читателей о происходящем — она также задает и рамку восприятия событий. Особенно явно это проявляется при освещении войн за пределами страны проживания потребителей медиаконтента. Ведь если боевые действия идут «где-то далеко» и напрямую не затрагивают жизнь аудитории, журналисты вынуждены подстраивать транслируемые нарративы под нужды, интересы и социальные стереотипы своих читателей. Этот процесс называется «доместикацией» — то есть *приручением* иностранных новостей, *одомашниванием* чуждого контента.

В многоязычной и мультикультурной стране — такой, например, как Израиль — доместикация осложняется тем обстоятельством, что каждая языковая община обладает собственными уникальными стереотипами, культурными кодами и историческим опытом. Для такой крошечной страны как Израиль диапазон этого многообразия огромен — от арабского ближневосточного менталитета до социальных практик выходцев с территории бывшего СССР, большая диаспора из которого поддерживает тесные связи с обеими воюющими сторонами — и Украиной, и Россией. Добавим к этому англоязычную прессу, ориентирующуюся на международную и иностранную внутри Израиля аудиторию, а также ивритоязычные СМИ, которые выступают в роли ведущей мейнстримной силы всей израильской прессы.

В результате одно и то же событие — начало войны между Россией и Украиной — звучало в израильском медиаландшафте четырьмя заметно отличающимися друг от друга голосами.

Ивритоязычная пресса: Внимательный обзор и осторожное осуждение

Ведущие израильские газеты на иврите — *Haaretz*, *Yedioth Ahronoth*, *Maariv*, *Israel Hayom* — с первых дней российского вторжения в Украину уделяли значительное внимание его влиянию на Израиль. Интерес к войне был обусловлен сочетанием геополитических факторов — ролью России в Сирии, балансом отношений с США и некоторыми другими, включая трагедию еврейских общин Украины, срочно ищущих пути к репатриации.

В публикациях подробно освещались перемещения российских войск, судьбы мирных жителей, обещанные западные санкции против России. Однако журналисты явно учитывали осторожную внешнеполитическую линию правительства Израиля, стараясь избегать резких высказываний в адрес Москвы.

Особое внимание уделялось личностному аспекту конфликта. Рассказы о мэре Киева Виталии Кличко, президенте Владимире Зеленском и других узнаваемых фигурах создавали у израильской аудитории эмоциональную связь с украинскими событиями, что делало войну менее абстрактной для израильтян. В текстах статей на иврите проводились параллели с израильской историей военных конфликтов. Образ Кличко был похож на «нового Ариэля Шарона», сражающегося за независимость своей страны. Украинские военные представлялись в духе героев израильских войн. Этот приём — персонификация отдаленной войны — способствовал восприятию Украины как страны, близкой по духу, и усиливал эмоциональное вовлечение читателей.

Отдельный пласт материалов составляли интервью с раввинами и лидерами еврейских общин Украины, акцентирующие мысль: «мы должны им помочь, ведь это наши люди, нуждающиеся в защите». Параллельно пресса анализировала сложное положение Израиля, вынужденного балансировать между союзом с США и необходимостью поддерживать диалог с Россией в сирийском вопросе (тогда еще актуальном).

Таким образом, ивритоязычные издания выстроили многослойный нарратив, сочетая хронику военных действий с морально-политическими рассуждениями. Общая тональность материалов в ивритоязычном сегменте подчёркивала, что Израиль не может позволить себе жёсткую антироссийскую риторику, хотя и обязан признать факт российской агрессии против Украины. В результате в израильской прессе сформировался образ Украины как жертвы, достойной сочувствия и поддержки, а России — как нарушителя «мирового порядка», чьи действия заслуживают осуждения, хотя и не приводят к её полной изоляции.

Англоязычная пресса: Связь с глобальным читателем

Англоязычные издания: *The Jerusalem Post*, *Times of Israel*, *Haaretz (English)*, *Israel Hayom (English)* — ориентированы как на местного, так и на внешнего англоязычного читателя, для которого война в Украине имеет

глобальное значение. В их материалах война подавалась преимущественно через призму международной политики. Новостные сообщения и военные репортажи сопровождались картами продвижения российских войск, комментариями европейских и американских чиновников, заявлениями стран НАТО. Израиль в той картине присутствовал как одна из ключевых держав, вынужденных учитывать сложную ситуацию в тогдашней геополитике и дипломатии.

По сравнению с ивритоязычными СМИ, англоязычная пресса была более резкой в формулировках, используя выражения вроде *"barbaric incursion"* и *"Russian aggression"*. Однако, когда речь заходила об официальной позиции Израиля, тон становился подчеркнуто сдержаннее. Это соответствовало осторожному внешнеполитическому курсу Израиля, но при этом позволяло читателю сделать собственные однозначные выводы о характере войны.

Как и в ивритской прессе, значительное внимание уделялось гуманитарному аспекту — в частности, судьбе украинских беженцев, международной помощи, заявлениям высокопоставленных лиц ЕС и США. Особый акцент был сделан на росте обращений в "Сохнут" со стороны евреев Украины, стремящихся к репатриации. Эти публикации формировали драматическую картину трагедии, виновника которой — Россию — англоязычный читатель мог идентифицировать безошибочно.

Таким образом, англоязычный сегмент израильских СМИ в вопросах освещения начала российской агрессии против Украины представлял собой своеобразную мозаичную структуру: с одной стороны, материалы выдерживались в довольно решительном тоне, свойственном западной прессе, с другой — сохранялся заметный баланс в освещении дипломатических манёвров Израиля. Хотя критика Путина и его решений звучала здесь громче, чем в изданиях на иврите, она всё же не доходила до прямых призывов к разрыву отношений с Москвой.

Арабоязычная пресса: Минимальный интерес и критика «двойных стандартов»

В арабоязычных изданиях *Panorama*, *Al-Ittihad*, *As-Sonara*, *Kul al-Arab* начало войны в Украине получило намного меньшее освещение, чем в газетах на других языках. Да и те материалы, что выходили, затрагивали украинскую тему в основном лишь косвенным образом. Для арабской аудитории Израиля украинский конфликт не стал приоритетным, уступая

по значимости событиям в ближневосточном регионе. Кроме того, стоит отметить, что скромные ресурсы этих арабский общинных изданий ограничивают их возможности вести полноценную зарубежную журналистику, что также сказалось на освещении событий в Украине.

Одна из немногочисленных публикаций рассказывала об украинском футболисте «Манчестер Сити» Александре Зинченко, резко отреагировавшем на вторжение. Статья была построена вокруг его личных переживаний и не содержала глубокого анализа военных действий. Другая заметка акцентировала внимание на двойных стандартах западных медиа, утверждая, что при освещении войны в Украине международная пресса демонстрировала традиционно присущее ей сочувствие европейским беженцам, игнорируя при этом страдания арабов и африканцев в других многочисленных конфликтах.

Таким образом, начало войны в Украине стала для израильской арабской прессы маргинальной темой. С учётом того, что основная аудитория этих изданий традиционно сосредоточена на палестинском вопросе и ближневосточной повестке, подобный фокус вполне закономерен. Региональные события, непосредственно затрагивающие арабское население Израиля, и в этот раз оказались для израильских арабов более актуальными, чем конфликт в далёкой Европе.

Русскоязычные издания: Сочувствие Украине, но без «кремлёвской повестки»

Русскоязычные издания Израиля, такие как *Vesti*, *Detali*, *Israel Info*, *Mig News*, с первых дней войны оказались в непростой информационной позиции. С одной стороны, в их публикациях отчётливо прослеживалось понимание, что Украина подверглась неспровоцированному нападению. С другой — существовали опасения по поводу возможных последствий слишком резких высказываний в адрес Путина, особенно в контексте российско-израильского взаимодействия в Сирии. Вопрос: «Не будет ли у нас проблемы с Россией на севере?» часто повторялся в разных вариациях, отражая тревогу израильского истеблишмента по поводу потенциального ухудшения отношений с Москвой.

Однако доминирующей темой русскоязычных СМИ стала не геополитика, а судьбы людей. В фокусе оказались вопросы репатриации и помощи беженцам: очереди в консульствах, вывозные рейсы, истории израильтян, оказавшихся в ловушке в Харькове или Одессе. Для русскоязычной

аудитории война была не только международным кризисом, но и личной трагедией, затрагивающей родственников и друзей. В этом смысле материалы этих изданий отличались повышенной эмоциональностью по сравнению с другими языковыми секторами.

При этом в русскоязычной прессе Израиля практически не встречались карикатурные шаблоны внутренней российской пропаганды. Нарративы о «нацистах в Киеве» или «угнетении русскоязычного населения» транслировались исключительно как часть официальной позиции Кремля. Критика российского вторжения звучала хоть умеренно, но весьма последовательно.

Таким образом, русскоязычные газеты Израиля сформировали позицию, довольно близкую к ведущим ивритоязычным изданиям: осуждение войны, сопереживание украинцам и осторожность в формулировках, когда речь заходила о стратегических интересах Израиля в Сирии. При этом именно русскоязычный сегмент демонстрировал особую вовлечённость в тему репатриации и помощь беженцам, делая войну в Украине не только политическим, но и глубоко личным событием для своей аудитории.

Сравнительный итог: Четыре разных “израиля”

Израильский медиаландшафт, за исключением арабского сегмента, продемонстрировал хоть и не схожее, но в целом единое направленное восприятие ключевых аспектов российско-украинской войны. Во всех ведущих изданиях подчёркивалось, что Россия стала инициатором боевых действий, выражалось сострадание к украинским беженцам, а также проявлялся особый интерес к судьбе еврейской общины в Украине. При этом неизменно упоминалась сдержанная позиция израильского правительства: осуждение агрессии без разрыва дипломатических отношений с Москвой.

Отличия же в глубине и широте освещения можно резюмировать следующим образом:

- **Иврит:** наиболее развёрнутый анализ, включающий параллели с постоянной военной угрозой для Израиля, перспективы посредничества, мнения военных аналитиков о «классической войне».
- **Английский:** сочетание жёстких формулировок (“*barbaric invasion*”) с дипломатической осторожностью; широкое освещение позиции США и ЕС в сдерживании России.

- **Русский:** фокус на репатриации, судьбе «своих» (родственников, знакомых) и сдержанной критике Москвы; полное отсутствие пророссийской пропаганды, которая доминировала в российских медиа.
- **Арабский:** почти полная периферийность темы; лишь две статьи, использованные скорее как повод для обсуждения расизма в западных медиа и футбольных сюжетов.

Таким образом, вопрос баланса между солидарностью с Украиной и дипломатической гибкостью стал определяющим для израильского медиадискурса. Израиль не мог позволить себе жёсткие шаги в отношении Москвы из-за стратегических интересов в Сирии, но и демонстрация полной нейтральности на фоне явной агрессии выглядела неприемлемой как с моральной точки зрения, так и с учётом давления со стороны тогдашней администрации США. В результате в большинстве языковых сегментов (за исключением арабского и с разной степенью интенсивности) сформировался усредненный нарратив: «Мы поддерживаем Украину, но действуем с учётом своей национальной безопасности и дипломатических реалий».

Выводы: Чему нас учит израильский опыт мультикультурной журналистики?

Израильский медиаландшафт продемонстрировал, как многоязычие и мультикультурализм общества приводит к многообразию нарративов. Одно и то же событие — начало российско-украинской войны — получило в нашей стране, по сути, четыре различных интерпретации. Ивритоязычные и англоязычные издания предложили наиболее детализированную аналитику, русскоязычные сфокусировались на эмоциональном аспекте и судьбе «своих» беженцев, а арабская пресса практически проигнорировала тему. Этот раскол наглядно демонстрирует, почему даже в пределах одного государства могут сосуществовать разные «информационные пузыри».

Принцип доместикации проявился в том, что каждая аудитория воспринимала войну через призму исторических ассоциаций, языковых кодов и личного опыта. Израильские СМИ осознавали эти различия и адаптировали подачу материала соответственно. Формирование категорий

«Мы» и «Они» происходило с учётом ожиданий читателей, что заметно влияло на фокус публикаций и тональность освещения событий.

При этом пресса балансировала между выражением солидарности и стратегической сдержанностью. В условиях войны, к которой Израиль не мог оставаться равнодушным, он занял позицию «осторожно сочувствующего» союзника Украины. Осуждение российской агрессии присутствовало, но было приглушено дипломатическими соображениями, связанными с необходимостью сохранять отношения с Москвой.

Неожиданным аспектом стало практически полное отсутствие в русскоязычных изданиях прокремлёвской пропаганды. Хотя можно было ожидать ретрансляции нарративов о «нацистах в Киеве» или «злонамеренном НАТО», этого не произошло. Свободный рынок СМИ и высокая конкуренция фактически закрыли дорогу на страницы израильских газет для нарративов из т.н. «кремлёвской методички», которые доминировали в государственных медиа самой России.

Гуманитарное измерение конфликта также сыграло ключевую роль. Благодаря историям еврейских беженцев и призывам к помощи «своим», война перестала восприниматься как отдалённая трагедия и приобрела личное звучание. Это сблизило позиции ивритоязычных, англоязычных и русскоязычных изданий, в то время как арабская пресса оставалась сосредоточенной на локальной повестке и рассматривала войну в Украине лишь как одну из европейских катастроф, не имеющих значительного влияния на ближневосточную реальность.

Опыт освещения российско-украинской войны в израильской прессе наглядно показал, что в мультикультурном обществе каждая языковая группа получает «свою» версию новостей. При этом государственные структуры и политики Израиля избегали резких заявлений, в то время как журналисты, пусть и с разной степенью эмоциональности, выражали сочувствие Украине, акцентировали угрозу миропорядку со стороны Москвы, уделяли большое внимание проблемам беженцев и репатриации.

Таким образом, можно сказать, что в информационном поле Израиль стал «осторожным союзником Украины». Однако его медиапространство продемонстрировало при этом свою крайнюю неоднородность.